

Кулешов Денис Сергеевич

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА ОРГАНАМИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922-1930 ГГ.**

Статья посвящена деятельности партийных органов власти по формированию и реализации правовых норм в обеспечении государственной безопасности на Советском Дальнем Востоке. В данном историческом материале отражена специфика работы партийно-советского аппарата в период работы Дальневосточного революционного комитета по советизации Дальневосточного региона; освещены вопросы реализации законодательной базы в сфере безопасности, принятой центральными органами власти непосредственно на территории бывшей Дальневосточной Республики путем создания региональных нормативно-правовых документов местными органами власти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/24.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 109-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Гужовая И. В.** Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: дисс. ... к. филос. н. Томск, 2006. 164 с.
2. **Кассирер Э.** Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 780 с.
3. **Котлярова В. В.** Источники угроз в виртуальной среде: трансформация жизненного пространства личности [Электронный ресурс] // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6. URL: <http://apriori-journal.ru/serial/6-2015/Kotlyarova.pdf> (дата обращения: 23.01.2016).
4. **Котлярова В. В.** Феномен информационного терроризма: аксиологические аспекты // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). С. 622-625.
5. **Ласточкин С. Э.** Способы описания систем виртуальных реальностей // Технологии виртуальной реальности: тезисы докл. конф. / ГосНИИАС. М., 1995. С. 30-34.
6. **Слюсаренко М. А.** Праздник как объект философской рефлексии: онтологический статус и экзистенциальный смысл: дисс. ... к. филос. н. Кемерово, 2007. 196 с.
7. **Сысоева О. Н.** Социальная самоорганизация как многоуровневое и многоаспектное явление общественной жизни [Электронный ресурс] // Концепт. 2014. Прил.: Современные научные исследования. Вып. 2. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54709.htm?view> (дата обращения: 15.01.2016).
8. **Шубина М. М.** Разрушение традиционной культуры посредством информационных угроз // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-9. С. 24-27.

**VIRTUALIZATION OF FESTIVAL IN THE CONTEXT
OF RESEARCHING THE PROBLEM OF THE HUMAN'S SECURITY**

Kotlyarova Viktoriya Valentinovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Shubina Marina Mikhailovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Sysoeva Ol'ga Nikolaevna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Don State Technical University (Branch) in Shakhty
Biktoria66@mail.ru

The article conducts a comparative analysis of the essential features of festival and virtuality as forms of the symbolic mastering of reality. The similarity of festival and the world of virtual reality – the creation of the illusionary world, the vividness of images, emotional intensity, symbolic language, offering an opportunity to a man to become perfect – is revealed. The virtualization of festival leads to the appearance of a number of threats for the human's security, the main of which are connected with the loss of identity, the occurrence of the phenomenon of "post-human consciousness", manipulation with consciousness and the destruction of the value foundations of culture.

Key words and phrases: virtual reality; human's security; symbolic picture of the world; festival; modern culture.

УДК 342.351.74.008.2:911.3(571.6)«1922-1930»(045)

Исторические науки и археология

Статья посвящена деятельности партийных органов власти по формированию и реализации правовых норм в обеспечении государственной безопасности на Советском Дальнем Востоке. В данном историческом материале отражена специфика работы партийно-советского аппарата в период работы Дальневосточного революционного комитета по советизации Дальневосточного региона; освещены вопросы реализации законодательной базы в сфере безопасности, принятой центральными органами власти непосредственно на территории бывшей Дальневосточной Республики путем создания региональных нормативно-правовых документов местными органами власти.

Ключевые слова и фразы: Дальний Восток; партийные органы; государственная безопасность; законодательная база; органы безопасности; Дальневосточный революционный комитет.

Кулешов Денис Сергеевич

Тихоокеанский государственный университет
kroshka527@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА
ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922-1930 ГГ.**

Одним из значимых аспектов обеспечения государственной безопасности является взаимодействие органов власти и органов безопасности. Органы безопасности осуществляют свою деятельность во взаимодействии с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности. Государственные органы, а также предприятия, учреждения и организации, в свою очередь, обязаны оказывать содействие органам безопасности в осуществлении их обязанностей. Вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов безопасности являлись важнейшими и в период становления Советского государства, и советизации Дальнего Востока после Гражданской войны.

Разрушительные последствия Гражданской войны, как в политике, так и в экономике изживались в обществе болезненно и постепенно, что сказывалось на деятельности советской политической системы. Ее формирование первоначально ограничивалось областями, где война уже закончилась, а затем реформированию подверглись местные органы управления Сибири и Дальнего Востока.

В 20-е гг. XX в. серьезные изменения затронули и органы государственной безопасности. Так, 6 февраля 1922 г. ВЦИК принимает решение об упразднении ВЧК и создании на его базе Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД. Расформирование структур ВЧК, имевших четкую партийно-государственную идеологическую установку на борьбу с политическими противниками, было обусловлено тем, что за период Гражданской войны «диктатура пролетариата» претерпела кардинальные изменения, перейдя в диктатуру над пролетариатом. Органы безопасности трансформировались из общественной организации в мощную милитаризованную структуру. Таким образом, обновленные органы безопасности заняли особое место в советской политической системе, став главным рычагом партийно-политического руководства страны, как в обеспечении общественно-политической безопасности, так и в сохранении власти правящего режима.

Статьей 12 Договора об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. предусматривалось учреждение при Совете Народных Комиссаров СССР Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) [17, с. 194]. 2 ноября 1923 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление об образовании ОГПУ, а 15 ноября утвердил «Положение об ОГПУ и его органах». ОГПУ приобрело статус центрального государственного учреждения. Главным успехом по созданию правовой основы деятельности органов безопасности можно считать принятие основного закона – Конституции СССР в январе 1924 г. на II съезде Советов СССР. В статье 61 указывалось об учреждении ОГПУ при правительстве СССР «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Согласно следующей, 62-й статье, ОГПУ СССР наделялось правом руководства работой местных органов ГПУ. Надзор за деятельностью ОГПУ возлагался на Прокурора Верховного суда СССР [Там же, с. 60].

Партийные установки стали руководящей нормой в 20-30-е гг., показывая господствующую роль РКП(б)-ВКП(б) и тем самым образуя новый политический феномен «партия-государство». Органы безопасности, являясь составной частью государственно-властного механизма советской системы, никогда не были самостоятельной и независимой силой, т.к. всегда находились под постоянным контролем партийных органов. Партийное руководство самостоятельно определяло правовые основы, задачи, основные направления, формы и методы работы органов безопасности. Так, 15 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о партийном контроле над органами государственной безопасности, чтобы ни одно решение Президиума ВЦИК по вопросам ГПУ не принималось без предварительного согласования с Политбюро. Решения Политбюро ЦК РКП(б) были окончательными, а ВЦИК и ЦИК их только юридически оформлял [10, с. 42].

Формально правовую основу деятельности органов государственной безопасности советского государства создавали законодательные и иные нормативные правовые акты высших государственных учреждений. В правовом регулировании деятельности органов государственной безопасности решающую роль играли ведомственные нормативные акты, большинство из которых носило закрытый характер, предполагавший отсутствие контроля со стороны законодательных, исполнительных и судебных органов Советского государства и возлагавший его только на Политбюро ЦК ВКП(б). Роль и назначение органов государственной безопасности как органов, призванных обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, в целом оставались неизменными на протяжении всего их существования. Но, права и обязанности органов безопасности на разных этапах развития советского государства изменялись в зависимости от тех задач, которые возлагали на них руководители партии. С изменением формы подчинения государственных структур партийному аппарату, окончательно устанавливался непреложный закон, когда задачи и обязанности органов государственной безопасности определялись только на основе руководящих указаний партии. Решения, постановления и указания съездов, пленумов ЦК, Президиума ЦК РКП(б)-ВКП(б) фактически устанавливали направление работы и задачи органов государственной безопасности. При этом Первый секретарь ЦК партии имел безусловный приоритет в постановке и решении всех вопросов, касающихся органов безопасности, но документально это оформлялось как решение съезда или пленума ЦК. Юридическое оформление указаний партий происходило затем в правовых актах, издаваемых высшими органами государственной власти и государственного управления СССР, или же совместными постановлениями ЦК партии и Совета народных комиссаров.

Нередко, установки высших партийно-государственных учреждений, даваемые органам ОГПУ с конца 20-х и в 30-е гг., нацеливали чекистов на необходимость за каждым взрывом, пожаром, катастрофой видеть диверсионные акты и вредительство, ибо формирование советской власти происходило на фоне борьбы правящей партии с различными контрреволюционными органами и оппозиционными течениями внутри самой ВКП(б) [8, с. 112]. Так 22 марта 1922 г. ЦК РКП(б) постановил создать в учреждениях, на предприятиях и в высших учебных заведениях «Бюро содействия» органам ГПУ. В состав бюро входили коммунисты, основная задача которых заключалась в наблюдении за эсерами, меньшевиками, отслеживании политических настроений в коллективах и всяческой помощи органам ГПУ. Деятельность бюро находилась в ведении секретных отделений губернских ГПУ [9, с. 25, 26]. С 1927 г. ОГПУ по указанию ЦК ВКП(б) развернуло агентурно-оперативную деятельность по дискредитации троцкизма и ликвидации оппозиционных центров. Тем самым партийное руководство требовало от спецслужб не только не допустить объединения разрозненных оппозиционных групп, но и пресекать ведения ими пропаганды [4, с. 293]. Борьба с оппозицией внутри РКП(б)-ВКП(б) выражалась в повсеместной «чистке» государственных ведомств, органов безопасности от «чуждых» советской

власти элементов. Ответственность перед обществом за содержание в чистоте руководящих рядов партии советов повышала бдительность органов безопасности [2, с. 29]. Но, несмотря на значимость мероприятий по искоренению контрреволюционных элементов, партийное руководство понимало и негативные последствия по «чистке» государственного аппарата. Так в своем указании в бюро Дальневосточного края (ДВК) Забайкальского губернского комитета РКП(б) от 17 декабря 1924 г. В. М. Молотов отмечал, что массовая чистка ведет к массовым увольнениям сотрудников без которых государственный аппарат обойтись пока не может и тем самым вынужден использовать лиц, принадлежащих к другим чуждым классам. Считая массовую чистку нецелесообразной, секретарь ЦК РКП(б) делал акцент на проверку и изучение работников государственных учреждений с точки зрения деловой оценки, наличия действительных знаний дела и серьезности отношения к требованиям советской власти [6, д. 42, л. 1]. Руководители государства активно использовали ОГПУ в качестве эффективного силового инструмента, обеспечивающего процесс социально-экономических преобразований государственной и общественной жизни. Необходимо отметить, что партийной проверке подвергались и сами сотрудники ГПУ. Центральная контрольная комиссия поручала всем своим структурным подразделениям проводить проверку секретных сотрудников специальной комиссией в составе начальника ГПУ или его заместителя и ответственного секретаря контрольной комиссии [Там же, л. 21]. Политбюро ЦК РКП(б), издавая свои постановления по борьбе с бандитизмом, предоставляло органам безопасности право непосредственной расправы в отношении лиц, уличенных в вооруженных ограблениях, уголовников-рецидивистов и лиц, пойманных с оружием на месте преступления.

В условиях восстановления и развития народного хозяйства, одним из важных вопросов было создание единой вооруженной охраны имущества, принадлежащего государству. Несмотря на отсутствие каких-либо руководящих распоряжений и указаний из центра, губернскими областными исполкомами постепенно стали формироваться особые виды милиции под наименованиями фабрично-заводской, горной, торговой с отнесением их на средства заинтересованных в охране предприятий. Эти обстоятельства послужили основанием для разработки НКВД законопроекта о ведомственной милиции, который был представлен в СНК РСФСР и утвержден 6 февраля 1924 г. Согласно Положению ведомственная милиция входила в состав общегосударственной в виде дополнительных штатов и подчинялась всем действующим инструкциям, приказам и правилам [1, с. 40]. Дальневосточная милиция состояла в ведении отдела Дальревкома под руководством начальника дальневосточной рабоче-крестьянской милиции. Управление рабоче-крестьянской милиции Дальнего востока руководило структурными подразделениями уголовно-розыскными и милицейскими органами Амурской, Приморской, Приамурской, Забайкальской и Прибайкальской губерний. В ноябре 1923 г. на Дальнем Востоке была начата работа по реализации Постановления ВЦИК РСФСР «Об упрощении аппаратов уездных исполкомов», в соответствии с которым отделы уездных исполкомов упразднялись, а вся административная работа этих отделов переходила в уездные управления рабоче-крестьянской милиции. С декабря 1924 г. решением Дальневосточного Революционного Комитета на Дальнем Востоке была начата работа по реализации Постановления 11-й сессии ВЦИК 21-го созыва «Об уездных советах и уездных исполнительных комитетах». Данное Постановление конкретизировало обязанности исполкомов в части охраны революционного порядка, борьбы с контрреволюционными выступлениями, бандитизмом и подобного рода преступными элементами. Были уточнены обязанности исполкомов в отношении милиции и уголовного розыска. В частности на уездные исполкомы возлагалось осуществлять содействие в укомплектовании этих органов личным составом. Реорганизация рабоче-крестьянской милиции на Дальнем Востоке проводилась на основе Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «Об организации рабоче-крестьянской милиции», а также Положения «О народном комиссариате внутренних дел» утвержденным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 24 мая 1922 г. [15, с. 113].

Важнейшее место среди документов, являющихся средством классовой борьбы и инструментом удержания политической власти, занимал Уголовный Кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 января 1927 г. Первый раздел главы первой Особенной части этого Кодекса настолько широко характеризовал «контрреволюционные преступления», что под его действие мог попасть любой человек. Жесткость ряда нормативных правовых актов способствовала преобладанию в правоприменительной практике органов государственной безопасности карательных функций.

В условиях выстраивания диктатуры большевистской партии, а точнее ее вождей, и учитывая дефицит идеологически преданных кадров, имеющих образование и практический опыт в той или иной сфере, не было другого варианта создания эффективного аппарата исполнения решений высших партийно-государственных структур, кроме как учреждения института номенклатуры. В 20-е гг. термин «номенклатура» впервые появился в партийных документах: Секретариат ЦК РКП(б) направил всем наркомам и руководителям государственных учреждений перечень должностей, назначение на которые и перемещение занимающих их работников разрешалось исключительно по постановлению ЦК.

Однако элементы номенклатурного подхода к назначению и перемещению кадров проявлялись значительно раньше. Еще в ноябре 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов подписал циркулярное письмо партийным комитетам областного и губернского уровней, в котором ЦК признавал необходимым разрешить ГПУ самостоятельно (по ведомственной линии) производить без предварительного запроса, но с сообщением соответствующему губкому, о переброске сотрудников – членов партии. В примечании указывалось, что полномочные представители, начальники губернских отделов и их заместители перемещаются только с ведома ЦК РКП(б). 19 мая 1924 г. в ОГПУ появился первый партийный документ, устанавливающий перечень должностей в органах госбезопасности, включенных в номенклатуру по линии Орграспредотдела. Чекистскому руководству

предлагалось не только основываться на списке должностей, но и своевременно сообщать обо всех произошедших изменениях в штабах и структуре [8, с. 211].

На Дальнем Востоке, где Гражданская война закончилась в 1922 г., обстановка складывалась достаточно своеобразно и отличалась от центральных регионов страны. После вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР 15 ноября 1922 г. перед советским правительством стояли задачи по формированию советских органов власти, органов государственной безопасности, установлению отношений с соседними государствами, а также созданию необходимых условий для развития социально-экономических отношений на Дальнем Востоке.

Задача становления советской политической системы на Дальнем Востоке возлагалась на высший неконституционный орган государственной власти в регионе – Дальневосточный революционный комитет. Дальревком обеспечивал поэтапную унификацию политической и хозяйственной жизни региона с остальной частью РСФСР. Ввиду постоянной борьбы партийно-государственного руководства страны с различными оппозиционными течениями, противниками советизации Дальнего Востока были не только эсеры и меньшевики, стремление которых было направлено на сохранение ДВР, но и некоторые члены руководства в лице Дальбюро ЦК РКП(б). Перед освобождением Дальнего Востока Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство буфера планировало объявить ДВР «социалистической Дальневосточной республикой, входящей на правах равноправного члена в РСФСР», но в преддверии создания СССР идея не нашла поддержки в Москве [12, с. 306]. Видимо поэтому ещё 24 октября 1922 г. руководство ДВР намеревалось признать консулов США, Китая, Англии и Италии, а также консулов других государств, которые имели договорные отношения с РСФСР, но с условием распространения договоров с Советской Россией и на Дальневосточную республику. Японский консул был бы признан, если бы Токио принял представителя Читы [11, д. 2191, л. 134]. Однако Генеральный секретарь ЦК РКП(б) и нарком по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин в ноябре 1922 г. сразу же после ликвидации Дальневосточной республики и присоединения региона к Советской России подчеркнул, что ДВР создана искусственно, а не по национальному признаку, и ее ликвидация не заденет национальных интересов преобладающего населения республики, ибо они такие же русские, как и большинство населения России [13, с. 141]. Таким образом, И. В. Сталин, по сути дела, в преддверии образования Союза Советских социалистических республик дал отпор сепаратизму и предотвратил раскол РСФСР по региональному признаку.

В 30-е годы XX в. И. В. Сталин сохранил подозрения в отношении дальневосточных руководителей и считал, что они больны «синдромом ДВР». Поэтому создание революционных комитетов было крайне необходимым для постоянной борьбы с контрреволюционными и бандитскими элементами. Так в документах о политической обстановке в Читинском округе отмечается систематические антисоветские провокации с угрозами применения террористических актов к кандидатам ВКП(б) со стороны председателей и секретарей сельсоветов за ведение советской политической пропаганды на селе [5, д. 584, л. 13]. В состав революционных комитетов входили коммунисты и преданные советской власти беспартийные, которые осуществляли свою деятельность согласно утвержденному постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Положения о Дальревкоме». В постановление «О Дальневосточном революционном комитете», принятом 25 июля 1923 г. отмечалось, что в своей деятельности Дальревком подчинялся ВЦИК и СНК РСФСР и тем самым реализовывал решения партии и Советского правительства [16, с. 60]. Ответственность за борьбу с бандитизмом в Дальневосточном регионе несли губернские и уездные революционные комитеты. О любых случаях бандитизма ревкомы уведомляли органы ГПУ и штабы частей особого назначения. В 1924 г. советская власть возложила на органы ОГПУ полную и исключительную ответственность за борьбу с бандитизмом, обязав остальные государственные институты им всячески содействовать. Дальневосточный краевой исполнительный комитет в целях борьбы со шпионажем отдавал распоряжения руководителям торговых, промышленных, золотодобывающих и других предприятий немедленно информировать органы ГПУ по всем фактам взаимоотношений японцев и иных иностранных граждан с работниками этих государственных учреждений [5, д. 63а, л. 2]. Для повышения эффективности борьбы органы безопасности получили внесудебные полномочия в отношении бандитов и их пособников, которые в 1920-х гг. решениями Президиума ЦИК СССР неоднократно расширялись.

Учитывая особые условия и степень пораженности контрабандой Дальнего Востока, Дальбюро ЦК РКП(б), Дальревком, местные партийные и советские органы в короткий срок провели ряд неотложных организационно-технических мероприятий по реорганизации существующей сети таможенных учреждений и созданию специальных центров. Так, в январе 1923 г., было введено в действие на территории бывшей ДВР Постановление СНК РСФСР «Временное положение о местных таможенных учреждениях» от 31 марта 1922 г., на основании которого на Дальнем Востоке был образован Дальневосточный таможенный округ, разделенный на таможенный участки [14, с. 20]. Вначале 1923 г. была создана Дальневосточная областная комиссия по борьбе с контрабандой, кроме представителей таможенных органов в нее вошли полномочный представитель ОГПУ, уполномоченный Наркомфина по Дальнему Востоку, руководители районных комиссий по борьбе с контрабандой. В течении 1923-1924 гг. комиссия неоднократно обращалась к выработке программы эффективных мер борьбы с контрабандой. Основными причинами ее развития являлись отсутствие в удаленных районах легальных товаров и неразвитость системы государственной и кооперативной торговли. По результатам изучения вопроса о борьбе с контрабандой 29 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление Совета труда и обороны о мероприятиях по борьбе с контрабандой. Основной упор делался на меры экономического характера: расширение производства товаров широкого потребления, снабжение этими товарами населения приграничной полосы, снижение торговых надбавок государственной и кооперативной торговли на товары, составляющие предметы контрабанды. Одновременно ОГПУ поручалось усилить

оперативную работу по выявлению злостных и состоятельных контрабандистов, обеспечить упрощенный порядок судебного разбирательства дел о контрабанде и репрессивные меры по отношению к ним [3, с. 30, 303]. Учитывая специфические условия Дальнего Востока (протяженность границ, неудовлетворение спроса населения), контрабандный промысел имел реальную угрозу, и задача по очищению пограничной полосы и тыловых районов ДВК от контрабандистского элемента оставалась на тот момент актуальной. В связи с истечением в мае 1928 г. срока на права внесудебного рассмотрения контрабандных дел, Полномочный Представитель ОГПУ по ДВК просил Крайкомисполкомом выйти с ходатайством в соответствующие законодательные органы о продлении предоставленных ОГПУ полномочий по делам контрабандистов, т.к. эти преобразования положительно отражались на развитии региона [7, д. 66, л. 37-39].

Таким образом партийно-советское руководство органами безопасности на советском Дальнем Востоке было достаточно устойчивым и осуществлялось в соответствии с принятыми политбюро ЦК ВКП(б) основополагающими решениями, политические установки которого оформлялись в нормативно-правовом порядке. В этих документах определялись их задачи, права и обязанности, исходя из условий внутренней и международной обстановки, а также личных представлений об этом высших должностных лиц государства и партии.

Органам безопасности было предоставлено право внесудебного разрешения дел по некоторым государственным преступлениям при рассмотрении их на специальных заседаниях. Более подробное регулирование аспектов служебной деятельности органов безопасности на Дальнем Востоке осуществлялось на ведомственном уровне в приказах и директивах, которые отражали общую политику советизации региона.

Список литературы

1. Белоус В. Г. Деятельность государственных и негосударственных структур охраны и безопасности в России (история, теория, практика). М. – Архангельск: Институт управления, 2008. 264 с.
2. Буров А. Н., Петренко М. В. Партийное доминирование в российской политической стратегии: монография. Волгоград: Прин-Терра-Дизайн, 2010. 256 с.
3. Буяков А. М., Шинин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922-1941 годах. М.: Кучково поле; Беркут, 2013. 432 с.
4. Воронцов С. А. Спецслужбы России: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 512 с.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П-75. Оп. 1.
6. ГАЗК. Ф. П-408. Оп. 1.
7. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1.
8. Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921-1934). М.: Продюсерский центр «Икс-Хистори»; Кучково поле, 2008. 800 с.
9. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти (январь 1922 – декабрь 1936) / под ред. академика А. Н. Яковлева. М.: МФД, 2003. 912 с.
10. Мозохин О. Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918-1953): монография. М.: Кучково поле, 2011. 752 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1.
12. Сонин В. В. Становление Дальневосточной республики (1920-1922). Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1990. 352 с.
13. Сталин И. В. Сочинения: в 13-ти т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. Т. 5. 1921-1923. Вопрос об объединении независимых национальных республик. 454 с.
14. Худяков П. П. Борьба с контрабандой в Приамурье (1920-1926). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2000. 80 с.
15. Худяков П. П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е годы: монография. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2002. 240 с.
16. Цуканов С. С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона (1922-1926 гг.): монография. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. 178 с.
17. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 г.: учебное пособие. М.: ИКД «Зерцало-М», 2004. 224 с.

LEGAL ASPECTS OF PARTY AND SOVIET GUIDANCE OF STATE SECURITY BODIES IN THE FAR EAST IN 1922-1930

Kuleshov Denis Sergeevich
Pacific State University
kroshka527@mail.ru

The article is devoted to the activity of the party bodies of power on the formation and realization of legal norms while providing state security in the Soviet Far East. This historical publication describes the specifics of the party and Soviet apparatus functioning in the period of the Far Eastern revolutionary committee for the Far Eastern region Sovietization; the author covers the issues of implementing legislative basis in security sphere that was adopted by the central bodies of power immediately within the territory of the former Far Eastern Republic with regional normative and legal documents issued by the local bodies of power.

Key words and phrases: Far East; party bodies; state security; legislative basis; security bodies; Far Eastern revolutionary committee.